

Ранней весной, в третьем месяце, когда тепло лишь намечалось, а холод ещё не отступил, весь Пекин утопал в непроглядном морозящем дожде.

Величественные городские башни вздымались к самым тучам, тяжёлые алые ворота медленно распахнулись. Стражник, позёвывая, вяло стоял у прохода, проверяя въезжающих.

Внезапно в ушах отозвался топот копыт — сперва издалека, а затем всё ближе, грохоча, подобно грому.

Уже по одному этому звонкому и мощному стуку было ясно — скачет отменный конь. Стражник тут же встряхнулся, поднял взгляд.

— Тпру-у!

Раздался полный силы окрик, боевой конь взвился на дыбы, а затем послушно замер у самых ворот.

Конь был вороной, без единого пятнышка, лишь копыта — белые, будто снег. Такую масть звали «Тёмная Туча в Снегах». Такой скакун мог за день покрыть тысячу ли, был невероятно вынослив и стоил целое состояние.

Стражник не смел медлить, поспешил навстречу. На коне восседал мужчина в зелёном халате прямого покроя, с нефритовой табличкой на поясе, в чёрных сапогах, а на голове — широкая шляпа из пальмовых волокон.

Стражник был старым служакой, повидавшим на своём веку и сановников, и простой люд, и считался глазастым, но на сей раз никак не мог определить статус прибывшего.

Мужчине на вид было чуть за двадцать, с густыми бровями-мечами и пронзительным взглядом, весь он источал воинскую статью. Видимо, из-за долгой дороги его одежда покрылась лёгким слоем пыли, лицо обветрилось, но это ничуть не умаляло его величавой осанки. Особенно поражали его глубокие, тёмные глаза — острые, нестерпимые для прямого взгляда.

Мужчина не спешил, а лишь снял с пояса нефритовую табличку и показал её стражнику.

Тот, разглядев на табличке аккуратные иероглифы лишу — «Дуань Минчэнь, заместитель начальника Гвардии в парчовых халатах», — мгновенно переменился в лице, в страхе и трепете склонился в поклоне:

— Приветствую господина из Цзиньивэй!

Дуань Минчэнь кивнул сдержанно, не стал его задерживать, убрал табличку, легонько пришпорил коня и помчался вглубь города.

В прошлом году скончался прежний император, и на трон взошёл девятнадцатилетний наследный принц Сяо Цзин, став пятым императором Великой Ци. Он провозгласил девиз правления «Синнин» и даровал всеобщую амнистию.

Со сменой императора, как водится, сменилось и окружение, и в политических кругах начались неизбежные потрясения.

На северо-западных рубежах тартары выжидали удобного момента, на Ляодуне чжурчжэни проявляли беспокойство, у юго-восточного побережья то и дело случались набеги японских

пиратов. К счастью, устои Великой Ци были крепки, и хотя стычки происходили, в целом народ в центральных землях жил относительно мирно.

Дуань Минчэнь въехал в город. По мере того как солнце поднималось выше, на улицах становилось больше народа, торговцы заполняли дороги своими криками, повсюду царила оживлённая атмосфера.

Хотя Дуань Минчэнь тосковал по матери и рвался домой, ему пришлось натянуть поводья, осторожно управляя конём, и медленно продвигаться сквозь толпу.

Глядя на по-прежнему оживлённые улицы столицы, он невольно проникся сентиментальными мыслями.

Едва достигнув возраста совершеннолетия, он с триумфом одержал победу на военных состязаниях, поразив всю империю. Прежний император, увидев в нём юного и талантливое героя, зачислил его в ряды личной императорской стражи — Гвардии в парчовых халатах.

Три года назад по тайному указу императора он покинул столицу и отправился в суровые северные пределы, где должен был собирать разведывательные данные и содействовать армии Великой Ци в кампании против тартаров.

Северные пределы были негостеприимным краем, а его миссия сопряжена со смертельным риском. Будучи членом Цзиньвэй, организации, которую все боялись и сторонились, Дуань Минчэнь преодолел невероятные трудности, чтобы выполнить поручение покойного императора: помочь армии Великой Ци отразить тартаров и изгнать этих мародёров из северной пустыни.

Когда весть о победе достигла двора, император пришёл в восторг. Награды, повышения и титулы были само собой разумеющимся. Поскольку Дуань Минчэнь проявил себя как храбрый и расчётливый воин, новый государь высоко оценил его заслуги и вызвал обратно в столицу указом, назначив заместителем начальника Гвардии в парчовых халатах — должность третьего ранга, уступающую лишь начальнику Гвардии.

Дуань Минчэню было всего двадцать пять, и столь юный возраст в сочетании с высоким постом вызывал зависть у многих.

Однако он отлично понимал: всё это он добыл ценою собственной жизни. Ранг третьего класса мог впечатлять в провинции, но в столице, где на каждом углу попадались высокопоставленные чиновники, это не значило ровным счётом ничего. К тому же, за три года, проведённых на севере, он отстал от столичных новостей и плохо представлял себе нынешнюю обстановку, а потому следовало сохранять бдительность и осторожность.

Погружённый в размышления, он вдруг заметил впереди скопище народа, указывающее на богатые ворота с каменными львами по сторонам.

Собравшиеся перешёптывались, тихо обсуждая происходящее.

— Батюшки, беда! В доме заместителя министра Чжана что-то случилось!

— Господи! Та голова, что на воротах висит... Неужели старший сын Чжана? Какой ужасный конец!

— Проклятые скопцы из Восточной Ограды!

— Тш-ш-ш! Тише! Услышат — несдобровать!

С высоты седла Дуань Минчэнь отлично видел группу людей в коричневых одеждах из Восточной Ограды, производивших аресты.

Из усадьбы заместителя министра доносились женские рыдания и детские крики, в воздухе витал тяжёлый запах крови. Окровавленная голова сына Чжана, повешенная на центральных воротах, с выпученными глазами, представляла собой жуткое зрелище.

За три года отсутствия Восточная Ограда, видимо, совсем обнаглела. Не успев даже провести допрос, они уже отрубили голову и вывесили для устрашения. Даже если действовали по императорскому указу, методы были чересчур жестокими.

Дуань Минчэнь слегка нахмурил густые брови, подъехал поближе, желая разглядеть получше, но вдруг услышал грозный окрик:

— Эй! Восточная Ограда выполняет приказ государя по поимке преступников! Посторонним не приближаться, прочь отсюда!

К нему подошёл начальник из Восточной Ограды в круглой шапке, собираясь отогнать его. Однако, разглядев лицо Дуань Минчэня, он изумлённо замер, а затем почтительно склонился в поклоне:

— Господин Дуань! Ваш покорный слуга приветствует вас!

Дуань Минчэнь узнал в нём своего бывшего подчинённого по имени Ли Чжэ.

Хотя главой Восточной Ограды был евнух, большинство исполнителей набиралось из переведённых туда членов Гвардии в парчовых халатах. Ли Чжэ как раз был одним из таких, перебравшихся в Восточную Ограду на должность начальника.

Покойный император, делая ставку на евнухов и чувствуя, что Гвардия, находящаяся за пределами дворца, не всегда оперативна, издал указ о создании Восточной Ограды, назначив её главой старшего евнуха Вань Чжэня из Директории ритуалов. Восточная Ограда, как и Гвардия, подчинялась непосредственно императору и обладала широкими полномочиями по расследованию и слежке. Вместе их называли «Тайная стража».

Поскольку Восточная Ограда состояла из внутренних слуг, её штаб-квартира располагалась прямо в императорском дворце, что позволяло докладывать государю напрямую, в то время как Гвардии для этого приходилось подавать письменные меморандумы. Таким образом, власть Восточной Ограды фактически превышала власть Гвардии, и в последние годы наметилась тенденция к её полному доминированию.

Поэтому связи между Восточной Оградой и Гвардией были тесными, но в то же время крайне деликатными.

Не желая привлекать к себе внимание, Дуань Минчэнь спешил и отвёл Ли Чжэ в сторону.

— Господин Дуань, вы вернулись в столицу? — внезапно встретив старого знакомого, Ли Чжэ просиял от радости.

Дуань Минчэнь кивнул и тихо спросил:

— Что здесь происходит? В чём обвиняют заместителя министра Чжана?

Ли Чжэ на мгновение замешкался, затем придвинулся ближе и прошептал ему на ухо:

— Говорят, замешан в деле о заговоре князя Чу. Государь лично приказал арестовать весь род Чжанов.

Князь Чу приходился дядей новому императору. Вскоре после восшествия на престол племянника он, недовольный юным правителем, поднял мятеж, но был быстро разгромлен. После казни князя Чу дело не закрыли: князь был искусен в привлечении сторонников, и многие чиновники как гражданские, так и военные, пользовались его щедротами. Поэтому государь принялся поодиночке разбираться с этими сановниками.

Во все времена императоры больше всего боялись заговоров и крамолы. Если Чжан оказался замешан в деле о мятеже князя Чу, то даже божество не смогло бы его спасти.

Дуань Минчэнь спросил:

— Государь поручил это дело главному начальнику Ваню?

Ли Чжэ покачал головой, в его глазах мелькнул страх. Он огляделся по сторонам, убедившись, что никто не подслушивает, и ещё тише произнёс:

— Расследование поручено приёмному сыну начальника Вана, евнуху Гу Хуайцину.

— Гу Хуайцин? — Впервые услышав это имя, Дуань Минчэнь почувствовал лёгкое недоумение. Он машинально взглянул в сторону усадьбы, но не увидел там никого, похожего на евнуха, лишь окровавленная голова на воротах смотрела на него невидящим взглядом.

Ли Чжэ, поняв его немой вопрос, пояснил:

— Господин Гу лично не прибыл. Он лишь отдал приказ: в случае сопротивления — немедленно убивать на месте, для острастки!

Дуань Минчэнь всё понял: старший сын Чжана, должно быть, немного владел боевыми искусствами и оказал сопротивление, что и привело к гибели.

В этот момент служители Восточной Ограды с громкими криками вывели из усадьбы заместителя министра более сотни человек — старых и малых, мужчин и женщин. Жалкое зрелище: ещё вчера богатый и знатный род ныне развеян, словно дым.

Внезапно девочка лет семи-восьми вырвалась из хватки и, воспользовавшись суматохой, бросилась бежать, устремившись напрямик к Дуань Минчэню и Ли Чжэ. Её побег, естественно, не укрылся от глаз стражников, которые с грозными лицами бросились в погоню.

<http://bllate.org/book/16283/1466588>